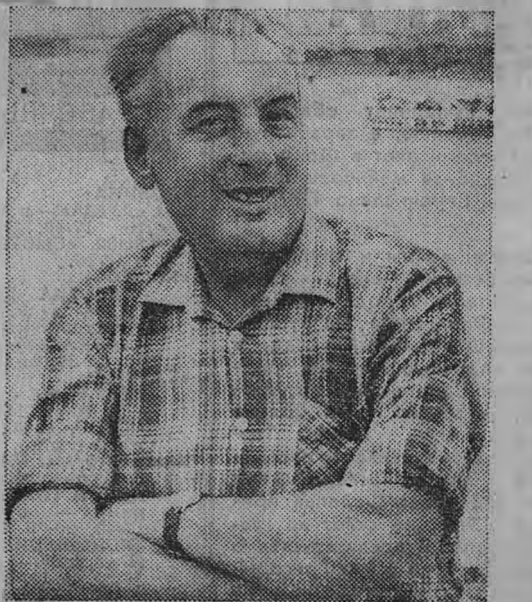

К 60-летию образования СССР

Азад Зиннатович Аббасов, народный артист СССР:

„Я — сын своей Татари родной“

Годы идут, и все чаще возвращают нас к истокам собственной судьбы, к немеркнущим страницам биографии Страны Советов. С высоты прожитых лет виднее и ближе сердцу тот чистый родник, то высокое пламя, от которых все начиналось в твоём отношении к миру и в отношении мира к тебе.

В нашем долгожительском роду раньше срока умер мой отец, «сгорел» от туберкулеза. Я часто думаю о нем и жалею, что о многом, очень важном для меня, не успел поговорить. Он остался в памяти личностью яркой, незаурядной, преданным делу революционного человека. Родом из бедных крестьян, живших под Елабугой, он тянул баржи по Волге — могучей силой отличался, из трюмов многопудовые мешки выносил. И хотя инородцев не брали в царский флот, его взяли, наверное, за редкую силу.

Вернулся домой балтийский матрос строить новую жизнь, Советскую власть устанавливать в нашей Татари. Я не знаю, как складывалось его мировоззрение, как он определил свой путь в революционных событиях, но помню его рассказы о том, как он слушал речь Ленина в Петрогра-

де, как в партизанах был.

Дядька рассказывал: его разыскивали белочехи, конное подразделение все деревни обшарило, наверное, он представлял какой-то интерес для них, но архивы не сохранились, и это осталось тайной. Себя не жалел, работал много лет начальником милиции, как партия приказала. Я был мал, чтобы понимать трудную взрослую жизнь, но радовался, когда отец бывал дома и можно было потрогать его именно маузер с серебряной планкой.

Инородцы... Так презрительно назывались малые народности России. К ним относились высоко, считая людьми низшего сорта. Получить образование, раскрыть природный дар — об этом и мечтать не мечтали в моей Татари. И как сложились бы судьбы многих людей, которыми сегодня гордится республика, если бы не Советская власть, давшая всем народам равноправие, объединившая нас в дружную братскую семью.

Конечно, никто не мог предполагать, что я стану певцом, народным артистом СССР. Потому что считалось в царские времена, что национальное искусство татарам не нужно, что им недоступны

вершины мировой культуры, что не может быть талантов среди инородцев, удел которых крестьянствовать, знать ремесла.

Род наш был, как я считаю, песенным. Отец на всю округу басом славился. Когда он пел народные татарские песни, люди плакали. А голос бабки называли плачевым. Мама, русская женщина, пела русские песни, была наделена музыкальным даром. Я не мог не любить музыки. Когда в доме никого не было, все пробовал исполнять что слышал, — песни, арии, романсы.

Жили мы тогда уже в Казани. Озеро Кабан, прямо в городе, тогда было редкой красоты, даже пароходики ходили. И мы с пацанами летом пропадали, конечно, здесь. Они на тот берег уплывут, а я с этого «зеваю» — хорошо слышно!

Среди множества мальчишеских воспоминаний память выделяет робкую тропинку, ведущую меня в мир искусства. Как сказать, природный ли дар себя обнаруживал, или любовь родителей к песне, театру формировала юную душу?

Досаждал отцу: «Хочу играть на пианино». Он договорился в клубе госторговли — иди учись! Дверь была мас-

сивная, тяжелая, дотянулся до ручки, подергал-подергал — и ушел домой.

Ну и ладно. Не обидно, тем более, что наступила эра самолетостроения, и мы все рвались к небу, хотели летать, когда подрастем, а пока делали планеры, модели самолетов.

Пение — не специальность. Так считали родные.

Пошел я в авиационный техникум, а потом на завод. Работал от темна до темна, светлое небо только через стекло крыши вижу — военное время! А какая-то штука внутри горит, покоя не дает.

И вот тут мне повезло. Волей случая попал в дом известного в Татари композитора Салиха Замалетдиновича Сайдашева. Незаурядная личность, удивительной душевной щедрости человек. Когда умер, вся Казань провожала его в последний путь.

Многие музыканты, эвакуированные в наш город, собирались у него. И был среди них старичок, администратор оперы Зимины. Петь я, конечно, не смел, но иногда насвистывал мелодии. И вдруг он спрашивает: «Ты, не поешь?». «Пою», — говорю. И запел: при моем-то лирическом теноре шалайпинский басовый репертуар, который отец дома пел. Отец боготворил Шалапина.

Старичок меня за руку: как раз набор был на национальное отделение при Московской консерватории. Спел я, смешно вспоминать, «Элегию» Массне, песню Варяжского гостя. Приняли!

И поехал я в Москву. Можно этот факт расценивать как обыкновенное везение. Можно иначе, как заботу Советского государства о развитии национального, в частности, оперного искусства. Нужны были свои квалифицированные кадры, а как известно, нет народа, обделенного талантами.

Не подумайте, что это я о себе говорю. Тогда об этом не думалось. Москва ошеломила, потрясла, но она и спрашивала строго, ведь пробелов в образовании — тьма. Выручила заводская привычка вставать в пять утра и до поздней ночи работать, только теперь не в цехах, а в аудиториях консерватории.

Незабываемые годы, встречи, концерты. Мы слушали Робсона, Обухову, Барсову, Козловского, Лемешева, Пиро-

гова — высокие уроки искусства, уроки прекрасного пения..

В 1950 году окончил консерваторию, класс Стрельцовой, и домой, в Татарский театр оперы и балета, в котором работаю до сих пор. Тогда у нас были прекрасные тенора, так что я лет пять «моржевал». Ну, это все равно что в театре драмы сыграть эпизод — «кушать подано». «Вынырнешь» с какой-либо музыкальной фразой и опять в «воду».

Сейчас молодежь рвется, спешит в мастера. Есть мастерство или его еще наживать надо. Я наживал не спеша. Вокал, актерское мастерство, пластика. Скажем, я, тенор, исполняю так называемые «французские роли» — Альфред в «Травиате», Герцог в «Риголетто», и должен быть на сцене светским человеком. Держать апломб. Учился у коллег в балетных классах, играл в татарских музыкальных комедиях, в драмтеатре в музыкальных спектаклях, в двадцати классических опереттах, а это отличная актерская школа.

Мои герои — Джик, Тюляк в спектаклях «Алтынчеч», «Тюляк», Самозванец в «Борисе Годунове», Рудольф в «Богеме», Синодаль в «Демоне»... Красивая, дивная музыка.

Но меня влекло к сложным драматургическим конфликтам, и мне повезло петь партии Ричарда в «Бал-маскараде», Матроса в «Оптимистической трагедии», Сергея в «Катерине Измайловой», где требовалось полное перевоплощение. Повезло работать с Шерманом — музыкантом из плеяды больших дирижеров. Около 90 партий спето, и в каждую роль вложена часть души. Любил работать самозабвенно, жадно.

Но особой в своей творческой судьбе считаю роль Мусы Джалиля в опере Жиганова «Джалиль». Я не сразу согласился на предложение композитора. Неудобная tessitura — раз. Ни грана внешнего сходства: он был коренаст, я высокого роста. Но стал думать об этом человеке. Может быть, я видел его в доме Сайдашева, ведь он там бывал. Или встречал на улице. И вот мы встретились снова: он — легендарный герой, поэт, патриот своей родины и я — актер, который считал своим долгом рас-

сказать о Джалиле так, чтобы зрители поняли истоки его героизма, патриотизма и поэзии..

Мы показали этот спектакль в городах Сибири, Средней Азии, Поволжья, на декаде татарского искусства в Москве в 1957 году. Для нашей республики это было высокой значимости событие.

Разве это не радость знать, что «Джалиль» шел в пяти русских театрах, звучал в Болгарии, Чехословакии. Для меня эта роль — большой труд, удача, счастье и возможность проявления гражданина к их чувств, любви и преклонения перед Поэтом и героем.

В 1966 году мне присвоили звание народного артиста СССР. И тогда, и сейчас я отношусь к этой награде с волнением, потому что принимаю ее как еще одно свидетельство справедливой, мудрой национальной политики нашего государства, в которой сын татарского народа может быть народным артистом Советского Союза.

Люблю народную музыку, много пел, записывался на радио. Во всех уголках страны живут мои земляки — татары. Я знаю, как они скучают по своей музыке, по народным мелодиям. Хотя пять часов длись концерт — слушать будут.

Зрелые годы даны нам как богатство. Вот я иду в театр из дому. Мемориальная доска: в этом доме жил Шалапин. Университет: здесь учился Ленин. Дома, где бывали Горький, Толстой, Лобачевский... Старый дом татарского Пушкина — Габдуллы Тукая. Волга... И думается о многом. О том, как давно переплелись корни двух народов — русского и татарского, что нельзя разделить нас на страницы истории, что дружба — оплот государства, у которого нет инородцев, есть одна семья. Ведь даже Волга — матушка разве только русские напевы слышит, разве не родная она всем, кто живет на ее берегах? И совсем неважно, кто ты — хлебороб, ученый, рабочий, артист, — только бы дальше шагать нам вместе, как шагаем шестьдесят лет...

Публикацию подготовила
В. ЛУГОВСКАЯ.
Фото С. Калинина.